

Т е м а н о м е р а : Профессионал как субъект социального действия

Особенности активизма российских профессионалов: социальные практики

Аксёнова Ольга Владимировна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник сектора изучения социокультурного развития регионов России Центра социологии образования, науки и культуры ИС РАН

E-mail: illaio@yandex.ru

Особенности активизма российских профессионалов: социальные практики

Аннотация

В статье представлены результаты исследования особенностей российского актора-профессионала и управленческой системы, в которую он включён. Социальные практики, а также ценности, нормы, специфика рефлексии и принятия решений действующим субъектом рассматриваются в исторической ретроспективе. Обосновывается акторский характер советской модели индустриализации.

Ключевые слова: актор, агент, система управления, централизация, децентрализация, рефлексия, ценности, стандарты, свобода, процесс принятия решений, индустриализация

В настоящей работе представлены результаты анализа особенностей российского (советского) актора-профессионала и пространства его деятельности. Проблемы исследования действующего субъекта в СССР и современной России, а также теоретико-методологические подходы к его анализу сформулированы в статье «К проблемам методологии исследования российского профессионала как субъекта социального действия». Там же сформулированы основные исследовательские проблемы и вопросы. Главный вопрос – как разрешается противоречие между актором (действующим субъектом) и агентом (субъектом-функцией) в СССР и современной России. Ответ на него позволяет понять, какую роль играл актор, обнаруженный исследователями в советской системе управления, был ли он её необходимым элементом или сохранился в ней случайно, по причине слабой эффективности, недостаточной тотальности контроля или иных особенностей её устройства.

Анализ активизма советских профессионалов¹ занимает в данном исследовании центральное место. Объясняется это в первую очередь тем, что механизмы воспроизводства профессионального субъекта, действовавшие в СССР, до сих пор не вытеснены западными моделями профессионализма, несмотря

¹ Профессионалами в данном исследовании считаются специалисты с высшим и средним специальным образованием (техникум, колледж), а также рабочие высокой квалификации.

на их активную экспансию. Кроме того, число специалистов, получивших образование и имевших опыт работы в СССР, велико до сих пор, именно они являются носителями советской традиции.

Деятельность актора в отличие от действия субъекта-функции слабо поддается формализации. Ее ключевые характеристики, такие как личный опыт, интуиция, личностные свойства активистов, понимание цели и смысла действий и т. п., исчезают при высоких степенях абстрагирования и формализации. По этой причине в исследовании использовались качественные методы сбора и анализа данных: глубинные интервью, анализ воспоминаний, опубликованных (в том числе в интернет) и хранящихся в семейных архивах, вторичный анализ результатов исследований российских и западных социологов и иных документов.

Основную часть собранных материалов составили интервью и воспоминания инженеров, обучавшихся на гидроэнергетическом факультете (ГЭФ) Московского энергетического института в 1950-1955 гг.¹ Этот выбор обусловлен рядом причин. Во-первых, он позволяет исследовать действия специалистов, занятых в базовых отраслях советской промышленности на протяжении ключевых этапов ее модернизации. Он также даёт возможность исследовать действующего субъекта в условиях системной аварии и её несистемных последствий.

Гидроэнергетический факультет МЭИ был создан с целью подготовки специалистов для советской послевоенной индустриализации. Образование, которое давал факультет, позволило его выпускникам заниматься инженерной деятельностью широкого спектра. Они проектировали и строили электростанции всех типов, а также трубопроводы, жилые дома, промышленные предприятия, обсерватории, участвовали в создании советской атомной энергетики, ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы и т. п.

Во-вторых, многие выпускники имеют опыт проектной и строительной работы за рубежом СССР и России, они проектировали и строили энергетические и промышленные объекты практически на всех континентах, за исключением, пожалуй, Австралии. Взаимодействие с западными компаниями, участвовавшими в таких стройках, позволило им сравнить и оценить различные модели организации инженерной деятельности. Наконец, некоторые из них продолжают работать до сих пор, несмотря на преклонный возраст, что даёт им возможность оценить изменения, происходящие в профессиональной сфере в современной России.

¹ Воспоминания выпускников ГЭФ МЭИ собраны и опубликованы в книге «Мы строили и жили в XX веке. История одного курса МЭИ» [1], кроме того, были проведены глубинные интервью (часть из которых в сокращенном виде вошла в книгу). Интервью цитируются анонимно.

Эти данные были дополнены также интервью и мемуарами других специалистов, в первую очередь врачей и учителей, которые представляют наиболее массовые профессии, к тому же тесно связанные с жизнедеятельностью и воспроизводством местных сообществ, индивидов и социума в целом. Проанализированы воспоминания сотрудников ряда структур, максимально контролируемых государством: военных специалистов и советников в развивающихся странах, военных дипломатов и т. п. Такой подход к сбору материалов для исследования обусловлен необходимостью избежать эффекта «маленького уголка свободы»¹, когда анализ активности представителей одной профессии даёт возможность объяснить данное явление отраслевой спецификой, включая её периферийность и удалённость активистов от власти.

Система советского управления: несистемные свойства

В СССР хабермасовская колонизация всего жизненного пространства системой кажется очевидной. Огосударствление собственности и централизация управления включили в него специалистов, обслуживавших едва ли не все сферы жизнедеятельности общества. Массовость ряда профессий в Советском Союзе (учителей, врачей, инженеров в первую очередь) существенно увеличивало число вовлечённых в управленческую систему профессионалов. Однако вывод о тоталитарности данной системы, о её всепроникающем контроле и функциональности, нивелирующем личностные особенности занятых в ней специалистов, основан скорее на экстраполяции характеристик западной системы управления², в которой субъект строго функционален, а сама его функция сужается по мере углубления разделения труда.

Отметим, что основные конструкции советской системы управления, включавшие планирование, обязательность поставленных задач для исполнения, контроль и т. п., действительно не отличаются от фундаментальных оснований управления любой индустриальной системы. Специфика её устройства выявляется при смене ракурса анализа, его переориентации с абстрактных структур и функций на людей и сообщества.

¹ Имеется в виду название книги Д. Вайнера об истории охраны природы в Советском Союзе [2].

² См. статью О. Аксёновой «К проблемам методологии исследования российского профессионала как субъекта социального действия» в данном номере.

Пространства свободы

Именно такой подход позволил А. Блюму и М. Меспуле обнаружить в работе статистического управления в 1930-е гг. феномен, обозначенный ими как «пространство свободы». Внутри этих пространств профессиональный субъект (индивидуальный или коллективный) мог действовать согласно собственным концепциям, а не указаниям центральной власти [см.: 3, с. 269]. С тем же самым явлением сталкивается и Д. Вайнер при исследовании заповедного дела в СССР, обозначая его как «архипелаг свободы», «маленький уголок свободы», «приют независимой мысли» [см.: 2 и 4].

Наш анализ выявляет «пространства свободы» практически во всех исследуемых отраслях, включая структуры «Средмаша» (Министерства среднего машиностроения) и отделы строительства АЭС: *«Наш отдел получает задание обеспечить строительство нескольких АЭС, которые производят определённое количество киловатт энергии. Как я буду его выполнять, никого не касается. У меня от этой свободы голова трещала. Мы должны были выпускать тысячи чертежей ежемесячно, выбирать площадки для строительства, набирать людей, договариваться с другими организациями. Ни о каком диктате и речи не могло идти, все от нас только отпихивались, потому что ответственность была слишком велика. Мы мечтали, чтобы нами кто-то командовал и принимал решения»* (из интервью с экспертом, занимавшим руководящие должности в атомной энергетике: с 1957 по 1982 гг. – инженера, затем начальника отдела атомной энергетике проектного института и заместителя директора, с 1982 по 1987 гг. – начальника отдела энергетике Главгосэкспертизы Госстроя СССР, с 1987 г. – начальника Управления, заместителя начальника Главного управления Министерства атомной энергетике СССР, затем Росэнергоатома).

Об автономии структур самых разных уровней говорили практически все наши респонденты, писали многие авторы мемуаров: *«В течение почти четверти века я был фактическим хозяином сектора волновых исследований ОЛ (отраслевой лаборатории), решая все организационные, финансовые, кадровые и научные вопросы»* [1, с. 268]; *«Главный детский хирург города создавал службу детской хирургии так, как он считал нужным, ему указывать никто не мог»; «Меня приняли на должность заведующего отделением рентгенологии, которое ещё нужно было построить и организовать его работу. Главный врач ни во что не вмешивался».*

Программы и планы развития создавались централизованно, однако они были результатом взаимодействия нескольких организаций, также имевших собственные задачи и определённую свободу действий по их выполнению. В каждой из

Базовые конструкции советской системы управления, включавшие планирование, обязательность поставленных задач для исполнения, контроль, не отличаются от фундаментальных оснований управления любой индустриальной системы. Специфика её устройства выявляется при смене ракурса анализа, его переориентации с абстрактных структур и функций на людей и сообщества. Такой подход позволил А. Блюму и М. Меспуле обнаружить в работе статистического управления в 1930-е гг. феномен, обозначенный ими как «пространство свободы», а Д. Вайнеру при исследовании заповедного дела в СССР обнаружить «архипелаг свободы».

них работали профессионалы, хорошо знающие друг друга, складывались неформальные сообщества, оказывающие влияние на процесс планирования, или непосредственно в нём участвующие. Эти сообщества наши респонденты иногда обозначали термином «лобби», но в то же время они представляли собой скорее профессиональные солидарности. Некоторые появлялись ещё в студенческие годы, что подтверждается анализом интервью с выпускниками ГЭФ МЭИ. На курсе сложилось студенческое братство. Сохранившиеся в последующие годы отношения не сводились к сети знакомств (связей), они включали взаимную поддержку, помощь в сложных жизненных и профессиональных ситуациях, и т. п. Кроме того, они соединяли специалистов, занятых в очень широком спектре отраслей, связанных с проектированием. Дружеские связи возникали в ходе работы профессионалов (строители Братской и других ГЭС, ограниченный круг высококвалифицированных проектировщиков АЭС и др.).

Таким образом, то, что мы привыкли называть системой централизованного советского управления, на всех стадиях складывалось, как из кубиков, из относительно независимых структур, в том числе и неформальных профессиональных сообществ, которые обладали определённой независимостью в решении профессиональных задач. Степень этой независимости, разумеется, различалась, но в целом централизация советского управления сочеталась со свободой действий в профессиональных автономиях. В некоторых источниках отмечается «своеобразная комбинация централизации и децентрализации» как свойство природы советского управления. Более того, отмечается и парадоксальное расширение самостоятельности отраслевых структур в период максимального усиления централизма в военное время [см.: 5].

***Приказ, стандарты, контроль:
пределы специализации
в советском индустриализме***

Деятельность профессионалов в системе, которую в годы Перестройки было принято называть административно-командной, действительно регламентировалась в первую очередь «командой», приказом вышестоящей организации, однако он в то же время определял рамки свободы действия субъекта. Например, первый секретарь компартии союзной республики в выступлении на съезде КПСС критиковал министра энергетики за затянувшееся строительство канала. В результате, по свидетельству нашего респондента: *«В министерстве сверху донизу по руководству прошла жёсткая команда. Она, конечно, не могла обойти и проектную организацию Гидропроект. Заместитель начальника института А. Н. Чемин сказал мне:*

...поезжайте на канал, вам предоставляются любые полномочия от института. Решайте вопросы, как считаете нужным, но чтобы не было больше телеграмм в министерство».

Пожалуй, наиболее ярко иллюстрирует значение приказа и инструкций в действиях профессионала рассказ руководителя группы советских военных специалистов в Ливии в 1977-1979 гг.: *«Огарков говорил о том, что я должен обеспечить приём советской техники и её эффективное освоение ливийцами. И добавил, что мне поручается задание государственной важности: предотвратить войну. Никаких более конкретных указаний мне не дали. Приказ был: «Действовать в соответствии с обстановкой» [6, 7].*

Таким образом, приказ мог быть весьма общим. Степень ответственности варьировалась от выговора до расстрела в зависимости от исторического периода и конкретной ситуации. В последнем примере генерал, по его словам, рисковал дальнейшей карьерой в случае невыполнения задания. Однако между приказом и ответственностью за его выполнение находилось обширное пространство практически полностью самостоятельных решений.

Но как было показано в предыдущей статье, даже полная независимость ещё не означает свободы действий субъекта. Деятельность профессионала в любой версии индустриального развития нормативно ограничена. В технологической системе постмодерна она практически запрограммирована, задана пошаговой инструкцией, а потому даже полная независимость не превращает субъекта в актора.

Противоречивая потребность в агенте, чётко выполняющем правила, и в акторе, способном к самостоятельному действию, а значит к нарушению правил, имманентна любой модели индустриализма. Она в полной мере проявляется в осмыслении отечественными профессионалами возможных пределов свободы их деятельности. Всеми признаётся необходимость норм и обязательность контроля их соблюдения. Более того, большинство наших респондентов активно участвовали в разработке стандартов и норм, определяющих различные параметры материалов, оборудования, конструкций: *«Я начал там писать нормы для проектирования, в то время их не было, были какие-то традиции, но поскольку в несколько раз вырос объём проектирования, то нужно было эти традиции закреплять в нормы. В 1964 г. были сделаны первые нормы по автоматизации нефтепроводного транспорта, потом они регулярно обновлялись, но фундамент сохранился до сих пор» [1, с. 116].*

Однако есть пределы, за которыми внешнее регулирование деятельности становится, по их мнению, спорным, а часто и неприемлемым. Таким качественным барьером является превращение алгоритма действия в пошаговую инструкцию, не допускающую размышлений и отклонений.

В советские времена приказ мог быть весьма общим. Степень ответственности варьировалась от выговора до расстрела в зависимости от исторического периода и конкретной ситуации. Однако между приказом и ответственностью за его выполнение находилось обширное пространство практически полностью самостоятельных решений.

Противоречивая потребность в агенте, чётко выполняющем правила, и в акторе, способном к самостоятельному действию, а значит к нарушению правил, имманентна любой модели индустриализма.

Например, попытки Министерства здравоохранения заставить врачей лечить строго по стандартам наталкиваются на сопротивление, когда стандарт полностью предписывает действия врача. На форуме независимого профсоюза скорой помощи «Фельдшер.ру» медицинские стандарты обсуждались неоднократно. Чаще всего высказывалось мнение, что стандарт действий не может учесть все сложные и уникальные ситуации, с которыми приходится сталкиваться практикующему врачу: *«Стандарты – это как правила дорожного движения. Переходить дорогу нужно на зелёный свет. Никто не спорит. Только в том беда, что забывают они написать, что делать, если светофор вообще не работает, или ты живёшь в посёлке, разделённом на два федеральной трассой, и светофоров вообще нет. Стандарты без ума, как трамвай без машиниста. Вроде едет по маршруту, но ни людей не выпускает, ни пешеходов не пропускает»* [см.: 9]. Кроме того, он воспринимается как ограничение профессиональной рефлексии и свободы: *«Забудьте про клиническое мышление. У Высоцкого было: «Не надо думать, с нами тот, кто всё за нас решит»* [см.: 10]. Врачи признают, что стандарты, во-первых, нужны контролирующим организациям, во-вторых, они служат «защитой от дурака», минимизируя ущерб от действий человека, неспособного к профессиональной рефлексии. Они, таким образом, достаточно точно определяют основные причины использования пошаговой инструкции на Западе, но её адаптация в российских условиях им представляется несколько иной: *«Любые стандартизированные рекомендации не возбраняют использование мысли, но коль мыслить не желаешь, так хоть веди больного по стандартам»* [см.: 11].

Отношение к алгоритму действий у участников ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и в исследовании её причин, ещё более сложное. С одной стороны, по мнению наших респондентов, должен существовать ряд обязательных, жёстко закреплённых правил для работников атомных станций, которые не могут быть нарушены ни при каких обстоятельствах. В то же время, однозначного вывода о том, что именно такого рода инструкции помогут предотвратить катастрофу, сделать невозможно. Их выводы полностью совпадают с выводами Ч. Перроу: системная авария в сложных системах неизбежна вне зависимости от совершенства их устройства, средств защиты и качеств персонала.

Российские профессионалы пытаются найти баланс между стандартом и профессиональной свободой, а по сути – баланс между узкой специализацией и универсальностью, настаивая на максимально возможном сохранении контроля над процессом труда. Отметим, что высокое разделение труда не позволяет вносить изменения в программу выполняемых опе-

раций уже по той причине, что оператор не имеет целостного представления о процессе, в котором он выполняет слишком ограниченную функцию.

Ограничителем профессиональной свободы является также контроль – обязательная составляющая любого управленческого цикла, не зависящая от политической системы. Контроль в СССР часто обозначается сегодня терминами «тотальный», «жёсткий», «всепроникающий». Однако политический контроль партии над профессиональной деятельностью уже в тридцатые годы прошлого века столкнулся с трудностями, которые оказались практически неразрешимыми: «Профессиональная логика, основанная на научном способе мышления, ускользает из-под политического контроля» [3, с. 276]. По мнению французских исследователей, проект политический в такой ситуации неизбежно оказывается в подчинении у проекта профессионального. Попытки обойти это препятствие разными способами, включая репрессивные, приводили либо к невыполненным задачам, либо к формализации самого контроля.

Одной из наиболее успешных попыток установления политического контроля была обязательность членства в партии для руководителей высшего звена, которая закрывала возможности карьерного роста тем, кто по каким-либо причинам оставался беспартийным, о чём свидетельствует наш респондент: *«Начальник отдела контроля качества Госстроя СССР пригласил меня на должность главного специалиста после того, как я поработала в составе комиссии по качеству строительства на Дальнем Востоке. Моя анкета не прошла последней инстанции – отдела ЦК КПСС из-за моей беспартийности»*. Однако респонденты, занимавшие высокие позиции, говорили о приоритете для них профессиональных интересов: *«Меня всё это не интересовало вообще. О политических проблемах, о диктатуре, демократии и так далее, я не думал. Я думал только о работе, даже дома, даже в отпуске»*. Задачи политического контроля, таким образом, вытесняются профессиональными интересами и ценностями.

Сложилась также достаточно сложная система профессионального контроля, который осуществлялся Госстроем (Государственный комитет по строительству), отраслевыми министерствами, профильными отделами ЦК КПСС, где также работали профессионалы, просто вышестоящими организациями и т. п.

Однако и внешний профессиональный контроль сталкивался с той же самой проблемой – оценить работу специалиста сложно даже его коллегам: *«Контроль осуществлял я как начальник отдела Госстроя. Без экспертизы Госстроя ни один проект не мог быть реализован. Соответственно начальник собирает команду экспертов, которые и будут*

контролировать. Но, с другой стороны, контролировать профессионала полностью невозможно. Никто лучше него не владеет его предметом, даже его собственный начальник».

Особую роль в обеспечении баланса между свободой и ограничением, творчеством и стандартом, играл авторский надзор проектировщика над исполнением проекта. Он минимизировал риск, связанный с творческими (но необоснованными) идеями строителей, и, одновременно, риск, возникающий в связи с некоторыми стратегическими идеями центра, например, с политикой экономии материалов: *«Когда я приехала на строительство крупного завода, ко мне пришли энтузиасты с предложением убрать половину стальных балок и таким образом достичь экономии металла, а то, что после этого летела вся конструктивная схема каркаса, им не приходило в голову. Пришлось посадить их с логарифмической линейкой (в 1972 г. логарифмическая линейка была главным орудием инженера) и заставить убедиться в этом».*

Отметим, что инженер, осуществляющий авторский надзор, тоже действует в пространстве профессиональной автономии, то есть принимает решения самостоятельно, часто в условиях противодействия со стороны.

Перечисленные регуляторы и ограничители не ликвидируют профессиональной автономии. Её особенностью можно считать сохранение максимально возможного в каждой конкретной ситуации отрезка трудового процесса, сохранение универсальности действий профессионала в условиях индустриальной специализации.

Актор в пространстве свободы и за его пределами

Результативность системы управления, построенной из относительно автономных элементов, зависит от качеств работающих в гораздо большей степени, чем результативность системы с узкими и жёстко определёнными функциями. Профессионал определяет внутреннее устройство автономных пространств, характер складывающихся взаимоотношений, принципы работы и стратегию действий.

Профессиональная автономия: уникальные решения

Во многих случаях сложно разделить деятельность профессиональную и социальную. Начальник группы рабочего проектирования г. Припять рассказывает о появлении среди его обязанностей задач социальных, о достаточно неожиданных для профессионала взаимодействиях: *«Приезжает молодёжь,*

а это было пустое место, рядом небольшое село, которое тут же снесли. И бабушку найти, чтобы с ребёнком сидела, очень сложно...В институте таким вещам не учили, но их очень много было. Кладбище, например! Ну причём тут я, причём Московский энергетический институт и кладбище? Но люди-то умирают, от этого никуда не денешься, это естественный процесс. Если я город проектирую, то и кладбище должен строить. Поехал к бабушке в соседний город в церковь. Пришёл к нему и откровенно говорю: извините, как мне вас называть, не знаю – я неверующий, а ещё некрещёный. Бабушка мне по-простецки, по-мужицки объяснил, что покойник должен лежать на глубине два метра, но это я и в санитарных нормах прочитал. Чтобы воды не было, лучше чтобы песок был. Глядеть он должен на восток. В ногах должен стоять памятник... То есть санитарные нормы почитал, к бабушке сходил, с архитектором поговорил» [1, с. 89].

Врачам, наоборот, приходилось осваивать информацию, связанную со строительством: *«Больница уже работала, но у меня кроме стен и перекрытий ничего нет. У меня была одна лаборантка, и мы на переносном аппарате уже делали снимки, остальное была стройка. Я обучилась всему. Я почитала все ГОСТы, все СНИПы, на каком уровне должно заземление проходить. Контролировать строителей должна была тоже я. Я же строила для себя, значит должна его построить так, чтобы потом в нём можно было нормально работать».*

При выполнении «жёстких приказов» возникали организации уникальные, такие, как созданное доктором Оскаром Фридриховичем Краузе в 1960-х гг. Отделение детской хирургии г. Череповца, о чём рассказала одна из его сотрудниц: *«Он такое отделение создал, в Вологде такого не было, да и в Четвёртом управлении такого не было. Мы делали любые операции, онкологию, любые травмы, ни одного больного не отсылали. Была отлажена методика лечения стафилококковой пневмонии и остеомиелита. Каждую неделю, несмотря на то, что больных было много, мы два часа занимались повышением квалификации. Это было почти научной работой. Например, нужно было разобрать все случаи остеомиелита и по этой теме доложить. Сёстры детей выхаживали как мамки родные».*

Главная особенность сформированной актором реальности во всех перечисленных примерах – её неповторимость, почти неразрывная связь с активной и сильной личностью, которая является лидером не только по занимаемой должности. Отделение доктора Краузе, по мнению бывших сотрудников, «становится другим» после его выхода на пенсию. Но с другой стороны, всё же среди них сохранились те, кто усвоил идеи, установки, методы работы и продолжил «изменять реальность» в других структурах.

В чрезвычайных ситуациях способности актора-профессионала действовать самостоятельно и результативно играли решающую роль. Кроме того, результат их действий обеспечивался и личными качествами, позволявшими противостоять давлению сверху и даже приказам, которые они считали неверными. Руководитель строительства саркофага над четвёртым блоком Чернобыльской АЭС вспоминает, что в начале строительства им мешали требования руководителей, часто противоречивые: *«Никогда не приходилось работать с людьми столь высокого административного ранга. Но вскоре мы привыкли, рапортовали «будет сделано», а делали по-своему, так, как подсказывала наша совесть и, конечно, квалификация»* [12, с. 5]. Совесть в данном случае фактически включена в модель управления, так как именно она позволяет добиться нужного результата. Выполняющий только профессиональные функции субъект не смог бы решить поставленной задачи.

В экстремальных ситуациях система трансформировалась, расширяя полномочия и устраняя препятствия для самостоятельности профессионалов. Одновременное усиление централизации и децентрализации в военное время для советской модели управления закономерно. Управленческий центр, по мнению наших респондентов, должен определять общую стратегию, так как только он может видеть ситуацию в целом, распределять ресурсы и координировать действия. Именно такую роль он исполнял после чернобыльской катастрофы: *«Все вопросы решались моментально, согласование велось по телефону, заключения выдавались незамедлительно. Как мы легко вздохнули, когда исчезли бюрократические преграды. К сожалению, этот режим наибольшего благоприятствования начался и кончился в 1986 г.»* [12, с. 36].

Условием функционирования советской системы управления было наличие в ней субъекта, обладающего способностью самостоятельно принимать решения и действовать, отстаивать собственную позицию, в том числе перед вышестоящими организациями. Его действия основываются на анализе профессиональных проблем и осмыслении ситуации, в которую он включён. Рефлексия поэтому являлась ещё одним обязательным условием качественной работы. Она, в отличие от рефлексии в технологической системе, основана на фундаментальном знании, опыте и интуиции субъекта действия и может, как было показано выше, превращаться в «почти научную работу». Очевидно, что актер, обладающий перечисленными свойствами, будет стремиться к большей свободе, негативно воспринимать установленные системой ограничения, а при определённых условиях постарается выйти за пределы пространства свободы.

Условием функционирования советской системы управления было наличие в ней субъекта, обладающего способностью самостоятельно принимать решения и действовать, отстаивать собственную позицию, в том числе перед вышестоящими организациями. Его действия основываются на анализе профессиональных проблем и осмыслении конкретной ситуации. Рефлексия поэтому являлась обязательным условием качественной работы.

Действия за пределами профессиональной автономии

В ходе нашего исследования было обнаружено немало ситуаций, когда действующий в отведённой ему профессиональной автономии субъект трансформирует реальность за её пределами. В некоторых случаях это связано с нечёткостью приказа (задания), допускающего разные интерпретации, или с нежеланием «центра» брать на себя ответственность, как это произошло в следующем примере.

В конце 1966 г. группа советских инженеров выезжает в Венгрию, чтобы согласовать место строительства АЭС. В группе специалисты разного профиля, включая опытного гидролога. До этого проектный институт, в котором работают инженеры и руководитель группы (начальник отдела атомного строительства), согласовал четыре предпочтительных варианта, на основном из них два года велись подготовительные работы. Встречают и принимают группу на высшем уровне. Местная власть и руководство венгерской компартии заинтересовано в строительстве станции именно в данном районе. Район был бедным, поэтому строительство крупного энергетического объекта должно было стимулировать его экономическое развитие. Однако вскоре, по словам нашего респондента, обнаруживаются серьёзные проблемы: *«После того, как мы ознакомились с расширенными материалами по основному варианту, мы схватились за голову... Это была затапливаемая зона Дуная, на которой безопасность работы АЭС в период паводков и ледохода мы гарантировать не могли. Никаких нормативов по выбору места строительства АЭС в то время не было, поэтому принимать решение и объясняться с заказчиком предстояло самим. И перед Новым годом я объявил принимающей стороне, что мы не можем согласовать выбранную площадку для строительства АЭС и предлагаем остановиться на площадке Пакш»* [1, с. 150-151]. За этим решением последовал практически бойкот группы с венгерской стороны и продолжительный конфликт. Выбравшие именно это место специалисты венгерского проектного института категорически не соглашались с решением, восприняли его как личное оскорбление. Их поддерживали и представители венгерской власти. Москва же полностью переложила решение на группу, находившуюся в Венгрии. После долгого и достаточно драматического противостояния был принят советский вариант. Катастрофическое наводнение на Дунае произошло в 1984 г. но АЭС «Пакш» работала далеко от реки. Позже запрет на строительство АЭС на затапливаемых в паводок землях был внесён (непосредственными участниками событий – О. А.) в нормы по выбору площадок для строительства АЭС.

Таким образом, инженеры, которые должны были лишь согласовать место возведения станции, смогли повлиять на решения, выходящие далеко за рамки их полномочий, в том числе – изменить подход к стратегии строительства опасных объектов, институционализировать его в строительных нормах.

В некоторых случаях актору удавалось преодолеть жёсткость стратегических решений правительства. Одним из наиболее ярких решений успешного противостояния автономного субъекта центру было зимнее перекрытие Ангары при строительстве Братской ГЭС в 1957 г. Угроза серьёзной задержки строительства ГЭС возникла в 1956 г. по данным ряда источников, включая и воспоминания ветерана строительства и историка треста «Братскгэсстрой» Б. С. Сальникова. В конце 1950-х гг. Н. С. Хрущёв решил перейти от строительства крупных ГЭС, которое требует больших финансовых вложений, к возведению тепловых станций. Строительство Братской ГЭС могло быть законсервировано или отложено. Единственным способом предотвратить такое решение было практически незамедлительное перекрытие реки. В этом случае приостановить строительство будет невозможно – слишком велики потери. Директор станции И. И. Наймушин и главный инженер А. М. Гиндин приняли решение о перекрытии русла реки зимой и всю ответственность за него взяли на себя. Силами инженеров «Братскгэсстроя» под руководством самого Гиндина был разработан уникальный проект. Следует подчеркнуть, что решение было беспрецедентно смелым, поскольку ни одного случая зимнего перекрытия реки в мире не было: *«Фронтальное перекрытие впервые в мировой практике осуществлялось со льда, укреплённого покрытием из брусчатого настила. Все проектные и подготовительные работы производились инженерами проектной конторы под непосредственным руководством А. М. Гиндина и И. П. Денисова, начальника технического отдела»* [13, с. 33].

Ответственность и риск были высоки, но квалификация самого Гиндина и молодых инженеров треста была достаточна для сложнейших профессиональных решений, а ресурсы и отлаженные организация и дисциплина труда в созданном Наймушиным и Гиндиным «автономном пространстве» стройки дали возможность его осуществить: *«Инженерный расчет и точность исполнения с самого начала насаждались А. М. Гиндиным. Поэтому работы по сооружению продольной ряжевой перемычки были выполнены безукоризненно»* [13, с. 33].

Особенностью образования, позволившего инженерам Братска реализовать сложный и рискованный проект, является вторичность и подчинённость технологий по отношению к науке. Образование было ориентировано на фундаментальные знания были необходимы в том числе и для того, чтобы осво-

ить (или разработать) любую технологию. Культ профессионализма определял также и общий уровень работающих. По словам наших респондентов, в проектировании дилетантизма не было.

Ценности профессионалов

Актор, согласно концепции А. Турена, ценностно ориентирован, и это полностью подтверждается нашим исследованием. Описание респондентами собственных и чужих действий имеет ценностное обоснование и этическую оценку. В то же время ценности «любимого дела», ориентации на высокий профессионализм в советское время нельзя назвать чисто профессиональными. Можно утверждать, пользуясь определениями Ю. Хабермаса, что сфера инструментального и сфера идентичности в Советском Союзе совпадали. Установка именно на профессиональную самоидентификацию содержалась в главном вопросе советского взрослого к ребенку, который помнят все, чье детство прошло в СССР: «Кем ты хочешь стать?». Означает ли это, что жизненное пространство, согласно терминологии Хабермаса и Эллюля, было колонизировано системой? Напомним, процесс колонизации проявляется, в том числе, в трансформации ценностей и их приближении к нормам (внешним ограничителям).

В ходе представленного в данной работе анализа был выявлен ряд взаимосвязанных ценностей, которые являются общими для представителей различных профессий и позволяют рассматривать активизм российских профессионалов вне зависимости от их цеховой принадлежности. Актуализированными, непосредственно влияющими на принятие решений ценностями чаще всего являются: отношение к своему делу как к смыслу жизни, свобода принятия решений и свобода действий, профессиональная ответственность. Каждая из перечисленных ценностей агрегирует несколько принципов и целей, часто совмещающая профессиональные принципы с общечеловеческими.

Дело как смысл жизни

Работа неотделима от жизни, она и есть жизнь, в том случае, если удалось найти «свое дело». Это именно цель, к которой необходимо стремиться, но не у каждого получается её достичь. Как сказал один из наших респондентов: «Плохой врач – это тот, кто занимается не своим делом. Он его просто не нашёл. Возможно, он стал бы хорошим слесарем».

Сложность труда сама по себе является ценностью, она требует понимания сути процесса и постоянного, неограниченного рабочим временем осмысления своих действий: «Нам нравилось, что наша работа сложная и интересная,

что постоянно думать надо. Думали о том, что проектировали, и на работе, и дома. Я дома клеил из ватмана здание реакторного отделения и спецводоочистки, чтобы понять, как их надо рассчитывать. Засыпал и просыпался с этими мыслями» [1, с. 147].

Свобода действий

Слова «ты решаешь всё сам» звучат практически во всех интервью и воспоминаниях. Можно обозначить данную ценность как свободу принятия профессиональных решений, но респонденты говорили и о свободе творчества, о свободе мышления.

Свобода, о которой говорят советские и российские профессионалы, отличается от западной свободы и русской воли в её устоявшейся социологической интерпретации. Западный вариант свободы представляет собой скорее набор формализованных правил, или, иными словами, институциональных ограничений действий субъекта, либо определяющих их последовательность установок, то есть технологий. Воля трактуется как отсутствие каких-либо ограничений. В исследованиях Н. И. Лапина используется производная от воли – «своеволие» как инструментальная ценность, традиционная для России и «свобода» как ценность модернизационная [14, с. 32-39]. Свобода, к которой стремится профессионал, ограничена, во-первых, знаниями и опытом, во-вторых – другими ценностями (принципами и целями), главной из которых является ответственность.

Ответственность во многих случаях предстаёт основным мотивом профессионального активизма. Она охватывает достаточно широкий круг объектов, часто выходящих за рамки их непосредственно профессиональных обязанностей. В сфере ответственности может быть трудовой коллектив, пациенты и ученики, местное сообщество в целом и т. п.

Ответственность за государство можно выделить в особый принцип профессионального активизма. В первую очередь это касается сфер деятельности, которые были связаны непосредственно с реализацией государственных интересов, таких как, например, военная помощь развивающимся странам. Упомянутый выше недостаточно чёткий или слишком общий приказ «построить канал», «предотвратить войну», был причиной того, что результаты действия специалиста во многих случаях зависели от его собственной интерпретации интересов государства и своих задач. Ответственность заставляла акторов-профессионалов в иных случаях защищать интересы государства от него самого, выходя за рамки профессиональной автономии. Например, военный дипломат, заключающий контракты на поставку вооружения, готов доказывать своему

Свобода, к которой стремится профессионал, ограничена, во-первых, знаниями и опытом, во-вторых – другими ценностями (принципами и целями), главной из которых является ответственность.

руководству ошибочность его торговой стратегии, главный архитектор города противостоял застройке его исторической части ценою собственного здоровья и т. п.

Принцип, обеспечивающий реализацию ответственности и профессиональной свободы, можно обозначить как **активную позицию** (гражданскую и профессиональную), он предполагает обязательность защиты того, за что отвечаешь. Лозунг современных гражданских активистов «если не я, то кто» возник в Советском Союзе, им руководствовались не одно поколение актеров-профессионалов. Более того, данный принцип содержит признание неизбежности внешнего давления и необходимость сопротивления: *«Профессиональная свобода врача зависит от его личностных особенностей. Есть люди, которым просто не дано смелости. Нас давили во все времена, нужно уметь этому сопротивляться».*

Особенностью, объединяющей все перечисленные ценности, является их обязательное осмысление. Рефлексия становится обязательным элементом системы ценностей российского профессионала, более того, она распространяется и на нормы. Норма в русской профессиональной культуре должна быть разъяснена, понята, осмыслена или воспринята на эмоциональном уровне.

Трансформации ценности в норму в советской модели индустриализма, таким образом, не происходит, равно как не случается и обратной замены нормы ценностью, внешним ограничителям отводится обязательное, но строго определенное место.

Роль образования в воспроизводстве актора: традиции и тенденции

Очевидно, что процесс формирования актора-профессионала сложен, складывается из множества составляющих, включая исторически сложившиеся механизмы социализации, государственную идеологию, культуру местных сообществ. Очевидно также, что он имеет достаточно глубокие исторические корни. Непосредственными предшественниками советских профессионалов, инициаторами создания именно акторской версии советского управления были профессионалы 1920-х гг., получившие высшее образование в университетах Российской империи и Западной Европы, ориентированные не просто на служение обществу, но на служение народу [см.: 15]. Именно в их среде формировались ценности профессионального братства, которое не равно западной корпоративности, так как обусловлено не только и не столько цеховыми интересами, но интересами общего дела, часто – необходимостью профессионального, а в некоторых случаях и физического выживания.

Принцип, обеспечивающий реализацию ответственности и профессиональной свободы, можно обозначить как активную позицию (гражданскую и профессиональную), он предполагает обязательность защиты того, за что отвечаешь.

С началом индустриализации в элитарные группы профессионалов, пополнявшиеся ранее выходцами из обеспеченных и образованных социальных страт, хлынула молодёжь из социальных низов, что должно было существенно, если не радикально изменить систему профессиональных ценностей. Однако произошло скорее радикальное расширение круга носителей профессиональных ценностей, которые затем постоянно воспроизводились, несмотря на отдельные попытки власти создать функциональную систему управления, которая отвечала бы не только политическим интересам, но и соответствовала наиболее современным для того времени моделям управления¹.

Действующий субъект оставался необходимым элементом государственного управления, следовательно, был востребован последним. В результате сформировалась уникальная система государственного образования, игравшая одну из ключевых ролей в воспроизводстве ценностей актора-профессионала. Помимо широкого спектра знаний, она включала в себя и этическую составляющую. Русская литература, изучавшаяся в школах в больших объёмах, содержала практически все перечисленные в данной статье ценности. Высшее образование было ориентировано на предоставление фундаментальных знаний, которые позволят выпускнику обучаться самостоятельно. Один из респондентов сформулировал основной принцип обучения в медицинском институте следующим образом: *«Нам постоянно говорили: «Учите всё. Вы не можете знать, с чем вам придётся столкнуться»*. Инженер-энергетик описывает обучение в институте почти теми же словами: *«Наш декан Золотарёв говорил, что вы должны всё знать, даже как рыбу ловить... Нас научили учиться, мы могли сами, с книгами осваивать всё, что потребуется. Я понял, насколько это правильно, когда попал на строительство линий электропередач в тайге и оказался оторван от всех»* » [1, с. 138-139].

Как и все остальные сферы профессиональной деятельности, образование представляло собой сочетание централизма и децентрализации, единой программы и творчества актора-учителя. Именно по инициативе учителей была создана ангарская математическая школа №10, выпускники которой поступали и поступают в главные вузы страны, многие из них стали учёными мирового уровня.

В 1952 г. в Ангарске была открыта обычная школа, директором которой стал учитель из Усольского района Кирилл Мефодиевич Будник: *«Безмерно любящий школу, детей, увлечённый творческой педагогической работой (для*

¹ Этот процесс описан в исследовании работы статистического управления: *«Всевозможные обновления статистического аппарата ... проводились для того, чтобы создать чисто функциональную бюрократию, в рамках которой человек остаётся строго привязанным к своему месту. Но они наталкивались на сопротивление со стороны людей, которые образовывали коллектив внутри управленческого аппарата, обладающего своей собственной профессиональной спецификой»* » [3, с. 140].

него не было второстепенного в школе: всё было главным, во всём был ОН); строгий и справедливый, он сумел за первый год сплотить сотрудников в единый работоспособный творческий коллектив, сумел зажечь всех молодых и зрелых педагогов благородной целью – давать глубокие и прочные знания, воспитывать общественную активность учащихся и делать это неразрывно, т. е. обучая воспитывать, воспитывая обучать» [16].

В 1954 г. в школу пришёл учитель математики Игорь Дмитриевич Степанов, по его инициативе проводились городские и областные математические олимпиады при Иркутском госуниверситете. Его ученики стали первыми призёрами олимпиад ещё в 1956 г. В 1964 г. по предложению Игоря Дмитриевича в школе были открыты математические классы. Комсомольская организация школы обратилась с этим предложением в вышестоящие инстанции и получила согласие: «Классы открыли в 10-й школе, так как был очень сильный, творчески работающий коллектив, заложен прочный фундамент в борьбе за качество знаний, на основе чего можно было идти дальше, подниматься выше» [16].

После распада Советского Союза отношение актора-учителя к работе как к делу жизни позволило сохранить школьное образование в условиях острого дефицита ресурсов и невыплат заработной платы. Само продолжение профессиональной деятельности в этот период можно расценивать как гражданскую активность. Многолетние исследования социальной самоорганизации, проводившиеся сотрудниками нашего сектора¹ в российских регионах, позволяют утверждать, что практически в каждом районе есть школы, в которых деятельность учителей выходит далеко за рамки их непосредственных обязанностей и имеющихся в их распоряжении ресурсов. Учительница из затерянной в лесах деревни Новгородской области в 1990-е гг. создала экологический кружок, его участники занимали первые места на различных конкурсах, при этом заработную плату она не получала в течение двух лет. В некоторых школах удалённых посёлков учителя и ученики издают газеты, которые популярны среди местных жителей, создают телестудии, собирают фольклор, организуют археологические экспедиции, краеведческие и исторические музеи.

Директор поселковой школы в Томской области сохраняет в школьной программе дисциплины, вычеркнутые из неё решением федерального министерства, и организует бесплатные занятия по углублённому изучению различных предметов, которые школьники должны выбирать самостоятельно.

¹ Имеется в виду Сектор изучения социокультурного развития регионов России Центра социологии образования, науки и культуры ИС РАН.

В российских регионах начали активно действовать самые «тихие» профессионалы – работники библиотек. Чтение в СССР было также одним из механизмов воспроизводства ценностей. Читали дети из всех социальных групп: *«Домашнего воспитания никто не знал, но книжки читали, и какие-то законы благородства исповедовали, например, «не выдавать», «делиться последним», «помогать бедным» и т. п.»* [1, с. 301]. Именно библиотечные работники помогали выбирать книги в том случае, если этого не могли делать родители, структурируя чтение практически всей страны.

После распада СССР библиотеки в российских городах и посёлках стали играть роль центров местной культурной жизни. Так, в Брянской области активно работала региональная библиотечная сеть: центральная библиотека продолжала обеспечивать литературой свои отделения в городах и посёлках области даже в самые кризисные времена, в библиотеках районов организовывались встречи с местными поэтами и писателями, выставки книг и работ местных художников.

В последние годы работники библиотек обеспокоены тем, что дети и молодёжь перестают читать, меняется структура чтения, исчезает так называемая «золотая полка» – список классической литературы, любимой и читаемой всеми детьми в советские годы. Они активны в поисках путей предотвращения катастрофических, по их мнению, изменений. Они участвуют в семинарах и конференциях в поисках возможной поддержки, готовы создавать собственные неправительственные организации, обращаться к власти и к бизнесу и т. п.

Активизм профессионалов, вне зависимости от их политической и идеологической позиции, направлен на защиту российской модели профессионально-управленческой сферы. Современная модернизация представляет собой очередную попытку приведения российской традиционной системы управления в соответствие с западными образцами. Реформа образования разрушает главный механизм воспроизводства российского актора. Поэтому усилия не только учителей и преподавателей, но и других специалистов, концентрируются на его защите. Так, например, инженер, продолжающий работать в свои 80 лет, начал писать учебник о том, как строить дом, после того как понял, что молодёжь, работающая в строительной фирме, прекрасно владеет компьютерными программами, но не понимает, какие физические процессы происходят в конструкции. Он задумывает проект книги, которая должна компенсировать недостатки современного образования. По его мнению, незнание законов физики инженерами опасно. Отметим, что на Западе инженерное дело уже стало парaprofессией, основанной на стандартах и программах и не требующей фундаментальных знаний.

Заключение

Напомним, что противоречие между агентом и актором разрешается в технологическом обществе постмодерна посредством формирования сложной и гибкой технологической системы, которая сама становится субъектом действия и рефлексии. Узкоспециализированный агент теряет контроль над своей деятельностью и вместе с ним субъектные свойства, превращаясь в элемент системы, равный, согласно теории акторских сетей, всем её прочим составляющим (предметам, программам и пр.).

В советской модели индустриального развития это противоречие снималось формированием системы управления, в которой основную роль играет актор, способный самостоятельно освоить необходимую технологию, решать задачи, для которых ещё не существует алгоритма решения, действовать в неизвестных и непредсказуемых обстоятельствах и изменять окружающую его реальность. Эта система построена на сочетании централизма с децентрализацией, её главным функциональным элементом являются автономные пространства, обеспечивающие профессионалу относительную свободу принятия решений. Уровень специализации в ней ниже, чем в технологической системе. Функции, которые выполняет советский (российский) субъект, в западной системе раздроблены между несколькими исполнителями.

Следует подчеркнуть, что данное устройство профессионально-управленческой сферы по определению противоречиво и конфликтно. Тенденция централизации делает неизбежными попытки ограничить свободу профессионала, а самостоятельность действующего субъекта и способность изменять реальность приводят к невыполнению приказов (или их собственной интерпретации) и стремлению выйти за рамки своего пространства. Необходимым качеством актора является способность противостоять постоянному давлению со стороны иерархической вертикали, что нередко интерпретируется как сопротивление системе.

Результат управления поэтому зависит от качеств актора, не имеющих чёткого определения, не поддающихся учёту и прогнозированию: опыта, таланта, силы воли, совести и т. п. Сама система, в которой всё перечисленное становится факторами управления, приобретает характеристики несистемной целостности, точнее соединяет системные и несистемные свойства так же, как централизм с децентрализацией.

Технология в данной системе вторична по отношению к науке. Основанное на научном знании фундаментальное образование даёт возможность профессионалу самостоятельно анализировать проблемы и уже на этом основании действовать,

осваивать различные технологии и в случае необходимости разрабатывать новые. Он не может быть равным материалам и оборудованию, которые для него по-прежнему остаются предметами и средствами труда, которые при необходимости можно заменить и изменить. Его профессиональная рефлексия не редуцируется к менеджерской оценке или компьютерной программе, как это происходит в системе технологической.

Разумеется, массовое производство активных личностей невозможно¹. Отметим, что акционистская концепция А. Турена такого и не предполагает. Соответственно, все советские профессионалы не могли быть и не были акторами. Однако для развития, промышленного и социального, их число оказалось достаточным. Кроме того, высокопрофессиональные, независимые и смелые специалисты для многих других были ориентирами, а собственная нерешительность в определённых ситуациях нашими респондентами переживается до сих пор.

Ценность в акторской системе не может быть вытеснена нормой, так как является одним из основных мотивов действий субъекта. Баланс между стандартом и творчеством, правилом и свободой действия рассматривается как одна из наиболее сложных проблем, но сохранение свободы является необходимым условием её решения. Свобода действий связана непосредственно со свободой мысли.

Колонизация жизненного пространства системой и технологией в СССР – лишь видимость. Слияние профессионального мира с миром идентичности в России – феномен культурный, основанный на приоритете науки над технологией, ценности над нормой, свободной рефлексии над программой и инструкцией. Профессиональные и общечеловеческие ценности в нём неразделимы, а действия профессионала-актора имеют социальную и гражданскую составляющую, отчасти компенсируя отсутствие гражданского общества западного типа.

Неоднократные попытки перехода к технологической системе успехом не увенчались. Во-первых, они наталкивались на сопротивление профессионального сообщества. Нужно сказать, что большинство из них считали и считают себя сторонниками западной модернизации, но интерпретируют её в соответствии со своими ценностями и представлениями. Во-вторых, успешный переход к технологической системе требует стандартизированной среды, развитых коммуникаций и иных, отсутствующих в России условий. Причины возникновения и устойчивости в России иной версии модернизации и, соответственно, управления требуют дополнительного исследования. Не менее важным является вопрос о том, действительно ли необходим отказ от традиции профессионала-актора

¹ Актор может быть коллективным, но при условии наличия в коллективе активных индивидов.

Ценность в акторской системе не может быть вытеснена нормой, так как является одним из основных мотивов действий субъекта. Баланс между стандартом и творчеством, правилом и свободой действия рассматривается как одна из наиболее сложных проблем, но сохранение свободы является необходимым условием её решения. Свобода действий связана непосредственно со свободой мысли.

Неоднократные попытки перехода к технологической системе управления успехом не увенчались. Во-первых, они наталкивались на сопротивление профессионального сообщества (при этом большинство из них считали и считают себя сторонниками западной модернизации, но интерпретируют её в соответствии со своими ценностями и представлениями). Во-вторых, успешный переход к технологической системе требует стандартизированной среды, развитых коммуникаций и иных, отсутствующих в России условий.

в «старой» системе и переход к системе технологической. Дело не только в том, что роль и качества агента малопривлекательны для воспитанного в российской традиции профессионала. Как было показано, данная традиция формирует актора, способного действовать в условиях неопределённости и решать проблемы, связанные с непредсказуемым риском, который технологическая система увеличивает и с которым не справляется.

Библиографический список

1. Мы строили и жили в XX веке. История одного курса МЭИ / отв. ред. Л. С. Лаленко. – М.: Астрель, 2011.
2. Weiner D. R. A Little Corner of Freedom Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev. – Los Angeles, Oxford: University of California Press Berkeley, 1999.
3. Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине / Пер. с фр. – М.: РОССПЭН, 2006.
4. Вайнер Д. Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991.
5. Игнатов В. Г. История государственного управления России. Учебник. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2002.
6. «Я точно помню: война продолжалась 52 минуты» // Коммерсантъ – Власть. 2000. №4 (355).
7. Бабаков С. Спецкомандировка генерала Тараненко // Газета «Зеркало недели». 1998. №40.
8. Мы строили и жили в XX веке. История одного курса МЭИ / Отв. ред. Л. С. Лаленко. – М.: Астрель, 2011.
9. Feldsher.ru, неформальный сайт врачей скорой помощи. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forum.feldsher.ru/topic/5378-standarti-03> (Дата посещения: 21.05.12).
10. Feldsher.ru, неформальный сайт врачей скорой помощи. [Электронный ресурс]. URL: http://www.forum.feldsher.ru/topic/5378-standarti-03/page__st__20 (Дата посещения: 21.05.12).
11. Feldsher.ru, неформальный сайт врачей скорой помощи. [Электронный ресурс] URL: http://www.forum.feldsher.ru/topic/5378-standarti-03/page__st__40 (Дата посещения: 21.05.12).
12. Беляев И. А. Чернобыль – вахта смерти. – М.: ИздАТ, 2009.

13. Летопись дел Братскгэсстроя. – Иркутск: Иркутская областная типография № 1 им. В. М. Посохина, 2004.
14. Лапин Н. И. Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том III. № 3.
15. Халий И. А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. – М.: ИС РАН, 2007.
16. История школы. Как всё начиналось // Официальный сайт Школы № 10 г. Ангарска [Электронный ресурс]. URL: <http://school10.ru/history.html> (Дата посещения: 29.04.12).
17. Latour B. Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory. – Oxford: Oxford University Press, 2005.